

**Валентин
Варенников**

Дело

Начато 19 г.

ГКЧП

Скончено 19 г.

Суд истории

Валентин Варенников

Дело ГКЧП

«Алисторус»

2010

Варенников В. И.

Дело ГКЧП / В. И. Варенников — «Алисторус», 2010 — (Суд истории)

Из заявления В. И. Варенникова в ходе следствия по делу ГКЧП: «...Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны. В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям следующее. Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом? Судите меня – я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я только буду гордиться этим!» В. И. Варенников в 1989–1991 гг. был главнокомандующий Сухопутными войсками СССР. В августе 1991 года он активно поддерживал действия Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В 1994 году единственным из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию, предстал перед судом и был оправдан. В своей книге В. И. Варенников подробно рассказывает обо всех до сих пор неизвестных общественности обстоятельствах дела ГКЧП как на основе материалов судебного разбирательства, так и по собственным записям и наблюдениям.

© Варенников В. И., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева.	7
Следствие по делу ГКЧП	
«Мои взгляды на книжку и автора	8
О нашей армии	10
Вместо заключения	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валентин Варенников

Дело ГКЧП

©Варенников В. И., 2010

©ООО «Алгоритм-Книга», 2010

©ООО «Издательство Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева. Следствие по делу ГКЧП

С позиций абсолютно нормального человека спокойно воспринимать действия и поступки Горбачева во второй половине 1991 года – просто невозможно. Например, появление его книги «Августовский путч». Основные события в стране произошли во второй половине августа, а уже в октябре была издана и широко распространена эта книга. Даже если он лично и не писал, а лишь наговаривал своему помощнику Черняеву (или кому-то другому), а тот уже опирался на привлеченный к этому коллектив – даже в этом случае ему на стостраничную книжку надо было потратить не один день.

Но ведь в стране атмосфера накалена, как 1917-м или в 1941 году! О каких книгах может идти речь? Надо страну спасать, а не заниматься демагогией! А Горбачев верен себе – в первую очередь забота о собственной персоне, о своих близких, а уж потом – страна.

Услышав по радио «Маяк» информацию о появлении в Москве книги «Августовский путч», я через адвоката попросил своих друзей приобрести и переслать ее мне. Это оказалось непростым делом, но в ноябре я эту книгу уже имел. А в конце ноября 1991 года «Августовский путч» с моими комментариями на полях книги передали в газету «Наша Россия». Главный редактор газеты Иля Исмагиловна Епищева сразу же сделала полную публикацию. «На полях книги» я изложил свою позицию по основным вопросам, которые были затронуты Горбачевым в книге. Буквально вслед за этим появилась, тоже в полном объеме, публикация в газете «День». Главный редактор Александр Андреевич Проханов, как и И. Епищева, конечно, подвергали себя лично и газеты большой опасности – ведь Горбачев был еще у власти. Напечатать мои комментарии в то смутное время – это, конечно, был и поступок, и риск. Однако все обошлось.

В это же время некоторые иностранные газеты начали «охотиться» за подлинником, т. е. за книгой «Августовский путч», с моими комментариями, сделанными на тюремных нарах. По информации адвоката Л. Беломестных, японцы предлагали крупную сумму. Однако моя позиция была однозначна. Эта книга сохранилась и находится в моем личном архиве.

Что же касается содержания моих комментариев, то впервые они появились в газете «Наша Россия», № 23, 1991 год. На первой странице, в верхней части – броский аншлаг: «Генерал Варенников опровергает! Собственноручные заметки Главкома на полях книги М. Горбачева «Августовский путч».

Далее шла краткая аннотация главного редактора газеты: «Изданная в рекордно сжатые сроки книга М. Горбачева «Августовский путч» вызвала пристальный интерес не только западного читателя, на которого в первую очередь была рассчитана, но и, естественно, всех советских людей, в том числе действующих лиц, оказавшихся в тюремных камерах «Матросской тишины». Изучил размышления «форосского узника» и бывший Главком Сухопутных войск, «афганец» Валентин Варенников, которому автор уделил особо пристальное внимание. Предлагаем читателям заметки, собственноручно сделанные боевым генералом на полях валютного бестселлера в долгие минуты вынужденного заточения».

Рядом с этой аннотацией помещена фотография Горбачева и Варенникова, сделанная летом 1990 года на учениях в Одесском военном округе. А далее шли мои краткие заметки «на полях книги». Привожу лишь их начало: постраничные замечания уже не нужны. Это по горячим следам еще можно спорить, а когда прошло столько лет – извините. Тем более с Горбачевым. С такими-то не спорят.

«Мои взгляды на книжку и автора»

Главная заслуга автора – четко и ясно показано, что конкретно достигнуто за годы перестройки – «самые главные и самые очевидные исторического масштаба перемены» (по меркам Горбачева):

1. Плюрализм.
2. Свобода слова.
3. Переход к рынку.
4. Ликвидация угрозы мировой войны за счет одностороннего разоружения.
5. Полная капитуляция в холодной войне и принятие условий победителя (т. е. США).

Но книга приобрела бы еще большую популярность, если бы показала: а что мы за эти же годы утратили?

Почему все это было утрачено?

Кто автор этих утрат?

Что нужно было бы в свое время предпринимать, чтобы избежать таких провалов?

Показать, что было к 1985-му и что имеем к 1991 году.

Правда, автор кое-где бегло себя критикует, но далеко не до слез.

А надо было бы взять конкретные вопросы. Например:

1. Почему разломали Советский Союз, хотя народ в марте 1991 года в референдуме требовал его сохранения?

2. Почему мы утратили управление государством?

3. Почему у нас не выполняется Конституция СССР (хотя президент давал присягу) и Указы президента?

4. Почему мы во всех сферах жизни начали все рушить до «основания», но «затем» так ничего и не построили – вместо того, чтобы умно и твердо начать только с капитальных преобразований в экономике.

5. Почему в экономике допущены конкретные провалы:

- антиалкогольная кампания (то есть кто ее автор и чего это стоит);
- создание кооперативов-паразитов, а не производителей (и бирж);
- саботаж и кто виновен;
- развитие мощнейшей, не имеющей себе равной в мире спекуляции;
- снижение объема производства;
- полное разрушение экономических связей;
- монополия мафии на рынке.

Что надо сделать, чтобы приостановить обнищание народа.

6. Почему опустела казна и кто ответит?

7. Почему нет действительной гласности и свободы человека, истинной демократии (даже КПСС угнетена)?

8. Почему непомерно растет преступность, какие планы борьбы и кто за это конкретно отвечает?

9. Почему у нас не занимаются подрастающим поколением, не прививают ему нравственность, патриотизм, культуру, этику, почему на его пути нет преград растлению, разврату и наркомании?

10. Почему появились межнациональные конфликты (только не надо ссылаться на прошлое – ведь мы все-таки жили в дружбе) и появилась очаговая война?

11. Почему конверсия пошла наперекосяк, а НИОКР и производство новейшего вооружения у нас не организовано хотя бы так, как в США (хотя было лучше)?

12. Почему войны и особенно офицеры наших Вооруженных Сил живут и обеспечены хуже всех армий всех стран мира?

13. Почему мы, решившись идти на крупные военно-стратегические ущемления своих интересов (одностороннее сокращение, вывод войск из Восточной Европы и Монголии, развал Варшавского Договора, неравновеликое с Западом сокращение ВС и т. д.), ничего не получили от Запада взаимно?

14. Почему мы, выводя войска из Восточной Европы, не потребовали от этих стран, чтобы они построили нам жилье в том количестве, в котором мы создали у них (а Германии вообще надо было предъявить требования – денег брать не будем, стройте на нашей территории городки под нашу группу войск и по мере готовности будем выводить)?

15. Почему, отпустив прибалтийские страны из большого Союза, вопреки принятому закону и создав тем самым прецедент для других, мы продолжаем потакать их экстремизму – отдаем россиянам им на судилище? Мало того, намерены выводить войска, не потребовав от них строительства за их счет на территории России необходимой инфраструктуры.

Вопросы можно было бы продолжить. Но даже ответы на перечисленные позволили бы читателю увидеть честного автора.

О нашей армии

Любая армия – лицо своего государства и народа. Поэтому о ней заботятся, зная, что от уровня обеспечения, дисциплины, подготовки, от ее силы зависит и благополучие страны. Мало того, армия – это школа для народа. Не только потому, что через ее ряды проходит почти все мужское население и учится боевому мастерству, приобретает необходимые качества воина-патриота. Она – школа гармонического развития юношей: физическая культура, нравственность, политическое и специальное образование, развитие высоких качеств уважения к человеку, труду, обществу. Манера поведения военнослужащего вселяет духовную силу нашему народу.

Армия – это не просто группа подразделений, частей, соединений, нет! Это слитая в единое целое великими государственными идеями общность солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, генералов и членов их семей, которые имеют и свои личные убеждения, в том числе религиозные.

Идеи же эти – защита своего народа, нашего Отечества! В связи с этим воин любого ранга готов всегда отдать все – покой, семейное счастье, все свои силы, здоровье и саму жизнь во имя спасения своего народа и защиты Родины.

Вот почему принадлежностью к армии надо гордиться, народ должен любить свою армию и взаимно отдавать ей все самое лучшее.

Именно этим объясняется и то, что Русская армия испокон веков держалась традиционной и неизменной любовью, трогательным вниманием и милостью всех наших государей, а в советское время – всех наших вождей. Исключение составил только «незабвенный» Никита Сергеевич, который открыто ненавидел военных всех рангов, начиная с Жукова Г. К. По этому же пути идет и «светлейший» Михаил Сергеевич, но скрытно, хотя у него уже тоже прорывалось: «Нашли кормушку...» и т. п. Но умело заигрывал, лукавил, соблазняя ложными посулами. Однако внутренним врагам армии (а они есть) никогда по зубам не давал.

Наоборот, поддерживал.

Взгляните сейчас на армию. Никакой определенности – ни в настоящем, ни в будущем. В каком она сегодня находится государстве, кому служит и кому подчиняется? Кругом одни президенты и полно министров обороны. Кто избавит армию от интриг, кто защитит военных от политического авантюризма, от морального террора и рынка? Продолжают еще сейчас стращать народ возможными попытками военного переворота. Но Горбачев в своей книжке «Августовский путч» пишет, что заговорщики пытались направить армию против народа. Какой вздор! Пусть запомнит автор, что никогда командиры всех рангов (те, кто был, и те, кто остается у руля) не поведут солдат против своего народа.

Но всмотритесь в наши современные взгляды на оборону страны. М. С. говорит: «Бывшая для своего времени классическая формула Клаузевица, что война есть продолжение политики, только другими средствами, безнадежно устарела... единственный путь к безопасности – это путь решений, путь разоружений».

А как же понять такие страны, как США? Они пошли именно по «этому» пути в Гренаде, Ливии, Панаме, в районе Персидского залива. И, кстати, в США Клаузевица лучше понимают. Например, его вывод (после похода Наполеона на Россию) о том, что эта страна может быть побеждена лишь действием внутренних раздоров, оправдался на нашем примере.

Для США на пути создания американского порядка в мире было одно препятствие – Советский Союз. И они пошли двумя путями: 1-й – гонка вооружений, 2-й – создание Советом национальной безопасности в 1950 году плана подрыва СССР изнутри (СНБ-68). И этот план с помощью Арбатова и его «детей» фактически выполнен. С помощью США мы создали «новое мышление», смысл которого сводится к приспособливанию всех наших действий к политике

США. И на всем пути нашей перестройки нас сопровождает кнут Запада (ну, а сейчас просто пинки...).

Некоторые говорят: нет, сорок первый год не повторится! Но надо не забывать, что в сорок первом у нас было твердое и сильное правительство, единый несломленный народ, единые ресурсы для Вооруженных Сил и мощный тыл, прекрасная армия и Военно-Морской Флот. А что мы имеем сегодня?

Другие говорят: а кто нам угрожает? Ведь это, мол, домыслы военных, чтобы самим сохраниться.

Верно, теперь, когда страну развалили, система стратегической обороны отсутствует – никому и в голову не придет угрожать несуществующему Советскому Союзу. Можно все брать голыми руками. Американцы и их союзники с превеликим удовольствием сегодня потирают руки не только потому, что они без единого выстрела выиграли третью мировую войну, но уже и потому, что открывается реальная возможность заграбать наши природные богатства.

В то же время «новое политическое мышление» оказало решающее влияние (пагубное) на всю жизнь большой армии – сокращение проводилось в спешке, в ущерб нашим войскам, явно ниже уровня «разумной достаточности». Так же уродливо проводилась и конверсия.

Однако США продолжают выполнять свои программные вооружения, в том числе по созданию СОИ, которую в свое время назвал М. С. «смешной и нелепой» программой. Но это будет главным стержнем угрозы для всех (не только для нас), в целях утверждения американского порядка в мире.

И все же я верю, найдутся у нас силы, которые вернут нашей многострадальной Отчизне добрую славу, не дадут ввергнуть наш народ в кабалу. Армия устоит.

Вместо заключения

Великая страна, сказочно мощная, с которой считались во всем мире, поклонялись ей (а кому следовало, и побаивались), в итоге 7-го года перестройки стала бессильной, нищей, упала на колени перед всем миром с протянутыми руками, мольбой о помощи, утратив весь свой могучий авторитет и собственное достоинство. Страна оказалась на задворках истории, в готовности стать сырьевым придатком цивилизации, к чему всегда стремились США и западные страны.

Обидно, что об этом постоянно последние два года говорилось на съездах народных депутатов, на заседаниях Верховного Совета СССР, пленумах ЦК КПСС и т. д. Однако?! Однако ничего предпринято не было, чтобы не произошла трагедия.

Мы не собрались и не мобилизовались. Растоптав все свои знамена (а ведь нам было чем гордиться), продолжаем безжалостно вытирать ноги о свою священную историю в угоду и на радость Западу.

Но на этом история не кончается. Много выстрадал наш народ за 1000 лет! Верю, что у нас есть силы, которые вернут народу былую славу и создадут счастливую жизнь, пусть она будет даже без плюрализма.

В. И. Варенников.

19.11.1991 г.».

* * *

Вот такими были мои заметки на полях книги Горбачева «Августовский путч», сделанные в тюрьме «Матросская тишина» еще в ноябре 1991 года, т. е. когда Горбачев был у власти. К моему большому удивлению, после их публикации посыпалось очень много писем-отзывов. Они шли мне домой и в газету. Уверен, что направлялись и в тюрьму «Матросская тишина», но мне эти письма не попадали. Я чувствовал их всей своей душой. Чувствовал и благодарил народ за поддержку.

Позже, весной 1992 года, письма и телеграммы, адресованные мне, тюремная служба уже стала приносить. Передали мне письма и от однополчан, в том числе от Героя Советского Союза Ивана Николаевича Поцелуева. Кстати, позже мне рассказали, как он переполошил юристов одним своим высказыванием. Узнав о моем аресте, он уже на следующий день был в Москве. Мои близкие свели его с адвокатом и другими юристами. После рассказа Л. Беломестных о том, что произошло, И. Поцелуев заявил: «Я знаю Валентина Варенникова хорошо, но почему он, будучи в Форосе, не застрелил этого подлеца Горбачева? Просто странно!» Перепуганный Беломестных и другие начали его убеждать, чтобы он не сказал об этом при встрече с Генеральным прокурором.

Вообще реакция в стране на наш арест была однозначно отрицательная. И народ больше всего сожалел, что ГКЧП не довел дело до конца.

В первые же дни нашего пребывания в «Матросской тишине» у стен этой тюрьмы митинговало много народа. Особенно активно себя проявила «Трудовая Москва» под руководством В. Анпилова и единомышленники В. Жириновского. Они митинговали несколько дней, требуя нашего освобождения. Что касается «Трудовой Москвы», то она своими «атаками» старалась досаждать властям. Это продолжалось до глубокой осени.

Но власти особенно не волновались. Коль окна не бьют, ничего не поджигают и тем более не стреляют – ну, и пусть себе кричат. На то и демократия. А режим между тем делал свое дело...

Шло предварительное следствие. Шли допросы. Менялись обвинения, и опять шли допросы. А число обвиняемых становилось все меньше и меньше. В самом начале, приблизительно через месяц после ареста, по состоянию здоровья освободили В. И. Болдина и В. Ф. Грушко. Нас осталось двенадцать человек. Затем земляки Стародубцева крестьяне-туляки добились, что весной 1992 года Василию Александровичу изменили меру пресечения – его выпустили на волю и он стал работать. Отличный председатель колхоза, и колхоз у него выдающийся. Надо работать, давать стране хлеб, а не сидеть в застенках (да еще было бы за что). Но наши ряды продолжали таять. Вслед за ним выпал из процесса Геннадий Иванович Янаев по причине болезни его адвоката.

Нас осталось десять.

Дмитрий Тимофеевич Язов попытался пробить брешь в сознании властей и подал ходатайство об изменении меры пресечения, т. е. освобождение из-под стражи на подписку о невыезде. Вопрос рассматривался по месту нахождения тюрьмы – в Дзержинском районе. Судья, молодая женщина, выслушала пожилого маршала, а также адвоката, задала несколько ничего не значащих вопросов и затем «удалилась в совещательную комнату». Одна – сама с собой – посовещалась и, появившись в зале заседания, объявила: «Оснований для изменения меры пресечения нет!». Ранее принятое решение о пребывании в следственном изоляторе (тюрьме) осталось в силе.

Суд выглядел глупо, а вердикт звучал нагло. Судья, конечно, была орудием в руках определенных сил.

* * *

Для того чтобы читатель лучше представил, чем мы жили, о чем думали и что предпринимали в период проведения предварительного следствия в тюрьме «Матросская тишина», я скажу еще о трех документах, которые были тогда посланы.

Первый – это личное письмо к Председателю Верховного Совета РФ Хасбулатову, написанное в мае 1992 года.

Второй – это обращение к Председателю Верховного Совета РФ в июне 1992 года.

Третий – обращение к народным депутатам Верховного Совета РФ.

Во всех этих документах проводится одна и та же линия – настоятельная просьба о создании парламентской комиссии.

Ни на одно из этих писем ответа я не получил. Привожу здесь текст второго письма Председателю Верховного Совета РФ.

«ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВС РФ.

Скоро год, как члены ГКЧП и привлеченные им лица находятся в следственном изоляторе «Матросская тишина».

Первоначально им было предъявлено обвинение – измена Родине (ст. 64 УК РСФСР). Но через несколько месяцев Генеральной прокуратурой РФ оно было отменено за отсутствием состава преступления.

В конце ноября 1991 г. предъявлено новое обвинение – заговор с целью захвата власти (как самостоятельное преступление). Но в УК РСФСР такой статьи нет. Следовательно, придерживаясь требований законодателя, такое деяние не может быть объявлено преступным. Если допустить, что это формально. А что в действительности?

В действительности все лица, которые обвиняются в заговоре с целью захвата власти, уже были у власти и захватывать им эту власть не надо было. При этом у руля законодательной власти был Лукьянов, руководителем исполнительной власти был Павлов, за президента офи-

циально был оставлен Янаев, вся военная сила была в руках Язова, все силы и средства КГБ были у Крючкова, МВД – у Пуго, партийной – у Шенина, Совета обороны – у Бакланова. Но все они и другие арестованы, не оказывая никакого противодействия или сопротивления (расчитывая, что во всем быстро разберутся). Надо отметить, что по указанию ГКЧП и отдельных его членов ни один орган в стране не ликвидирован и никто не арестован.

Расследование давно закончено. Следственная группа Генеральной прокуратуры РФ заявляет, что заговор был. Но это утверждение имеет только одну цель – сохранить «честь мундира». Чем можно оправдать такое длительное содержание людей в тюрьме? Только наличием преступления.

Но фактически заговора не было и преступления нет. Были определенные нарушения, которые не могут быть квалифицированы преступными.

Однако самое главное – если выходить в суд, не имея по этому делу политических оценок на основании выводов специальной комиссии Верховного Совета РФ, – будет провал. Такая комиссия должна была работать одновременно со следственной группой Генеральной прокуратуры РФ, решая свои вопросы и заодно контролируя работу этой группы (она допустила ряд грубых нарушений).

Случай не рядовой. Задержана вся верховная власть страны (задействован и Горбачев). Поэтому и отношение к этому случаю должно было быть особо внимательным.

Но сейчас оценки видны уже всему обществу – к катастрофе страну подвел Горбачев, а эти узники хотели хотя бы что-то сделать, чтобы этого не случилось. Это принципиально.

Мы предлагаем в возможно короткие сроки рассмотреть этот вопрос на Верховном Совете РФ и создать парламентскую комиссию по расследованию вопроса или закрыть дело, арестованных освободить из-под стражи. Тем самым молодая демократия подтвердит, что она действительно намерена создавать правовое государство.

В. Варенников.

18.06.92 г.»

Подобные обращения и письма мы посылали в различные инстанции на протяжении всего пребывания в «Матросской тишине», начиная уже с сентября 1991 года и до конца 1992 года включительно.

Однако никто во власти не был заинтересован в объективном разбирательстве дела ГКЧП. Разве что отдельные депутаты. Но их голос ничего не значил в общем реве необычной «демократии».

* * *

Попав в «Матросскую тишину», я сразу лишился всех лекарств. А ведь кое-что приходилось принимать уже на постоянной основе, чего в тюрьме, разумеется, не было. Мало того, осенью и с началом зимы несколько раз тяжело простудился. Лечение же было одно – таблетки от кашля. Начались воспаления в местах операций, проведенных в начале 1991 года. Рентген показал затемнение легких.

В результате меня положили в тюремную больницу. Две недели инъекций, таблеток, ударных доз антибиотиков – и все вошло в норму. Я вернулся в камеру. Опять пошли допросы, опять сменялись камеры, а вместе с ними и сокамерники. Вдруг начало побаливать сердце, поднялось давление, чего у меня никогда не отмечалось. Мне становилось все хуже и хуже. В камере все чаще начали появляться различные врачи. Затем меня обследовала медицинская комиссия. В ее составе были и наши военные врачи Андрей Андреевич Люфинг и Николай Григорьевич Сергиенко. 11 декабря 1992 года администрация тюрьмы предупредила меня: «Завтра вместе с охраной переезжаем в госпиталь».

Наступило 12 декабря. Я собрал все свои пожитки, а самое главное – исписанные мною в тюрьме тетради и различные книги с уголовными и уголовно-процессуальными кодексами, комментарии к ним и тому подобное.

Ехали на трех машинах. На первой – начальник тюрьмы полковник В. Панчук с охраной. На второй везли меня с охраной, впереди сидел капитан по имени Николай из Челябинского ОМОНа (мы с ним уже подружились), в третьей ехали только охранники. Таким поездом проехали почти через всю Москву.

Моему взору предстала ужасная картина: всюду тысячи ларьков, на всех улицах торговцы продают товары с рук, кругом грязь и мусор, везде снуют какие-то обшарпанные, озабоченные люди. Впечатление такое, будто попал в чужое государство. Я вздыхал и сокрушался: неужели такое творится по всей стране? Подобный «базар» в городах страны я видел на кинолентах, отснятых в 1917–1923 годах. Видно, гайдаровщина в Москве, как тифозная вошь в переполненных тюремных камерах, поразила очень многих. Над городом нависли свинцовые тучи грядущей катастрофы. Но больше всего меня удручило, что в обществе быстро формируется слой торгашей. Не производителей, а именно торгашей-спекулянтов, паразитов.

Привезли меня в Центральный военный госпиталь имени Бурденко. Там прошли в 11-е кардиологическое отделение – его возглавлял полковник медицинской службы Владимир Петрович Тюрин. Персонал встретил нас с испугом. Впрочем, любые переполошатся, если к ним нагрянет семь верзил в пятнистой форме, с автоматами. К тому же, оказывается, для меня и охранников освободили целый отсек на этаже.

В моей комнате размером два, два с половиной на три с половиной метра помещались кровать, тумбочка, небольшой столик и два крохотных стула. Был санузел. Мне эта комната показалась райским уголком. Все чистое, светлое, уютное, окна без металлических решеток, а на подоконнике цветы (почему их охрана не убрала?). Давно я не был в такой обстановке. Только от одного этого вида уже можно было излечиться от любых болезней. Я стоял у стола и улыбался. Панчук не вытерпел:

- Что-то у вас, Валентин Иванович, необычное настроение.
- Конечно, необычное. Увидел, как живут нормальные люди.
- Это верно... Но давайте разберем организационную сторону быта в новых условиях.
- Давайте.

И Валерий Никандрович подробно рассказал о порядке и о режиме в отсеке, где находится моя палата и будет располагаться охрана, которую обязали организовывать доступ ко мне врачей, доставлять пищу и убирать посуду. Во время каждого посещения врачей будет присутствовать охранник. Прогулки на период лечения отменены. Все вопросы – через дежурного охранника, как в «Матросской тишине».

Уточнив некоторые детали, он простился, пожелав мне напоследок укрепить здоровье. Мы посмотрели друг другу в глаза – я чувствовал, он хотел сказать еще что-то, вроде: «Желаю обратно в «Матросскую тишину» не возвращаться», но, помолчав, Панчук промолвил: «Периодически буду вас навещать».

Полковник уехал, а охранная команда осталась.

* * *

Устраиваясь в своей новой обители, я перебирал свои тетради, различные вырезки из газет. Попались мне и сообщения о трагической гибели маршала Сергея Федоровича Ахромеева и министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго.

Не верилось, что маршал Ахромеев покончил жизнь самоубийством. Если даже предположить, что самоубийство все-таки было, я полностью его отвергаю, не верю, что он мог именно повеситься. Хотя в деле и имеются оставленные Сергеем Федоровичем записки, в которых он

рассказывает, как готовил шнуры, как они оборвались после первой попытки и какие он принял меры, чтобы шнуры не оборвались при второй самоказни.

В принципе факт самоубийства нельзя рассматривать однозначно (как это принято) как проявление малодушия и трусости. Да, в определенных случаях человек решает уйти из жизни в пьяном состоянии, в состоянии аффекта, в страхе и неудержимой трусости перед возможным возмездием или привлечением к ответственности. Все это бывает. Но бывает и другое: когда кристально чистый человек кончает с собой в знак протеста, когда он жертвует своей жизнью, не имея возможности протестовать иначе против режима и диких порядков, когда страна и ее народ страдают годами, а впереди не видно никакой перспективы (как у нас в начале 90-х годов). В этом случае не малодушие, а огромная сила протеста может заставить человека расстаться с жизнью.

Можно было бы этот второй случай отнести к Сергею Федоровичу Ахромееву. Но если знать его недостаточно. Мне же довелось провести вместе с ним многие годы. Нет, не мог он уйти просто так, бросив всех и все. Ахромеев должен был бороться. И он уже включился в эту борьбу, досрочно вернувшись с юга из отпуска. Он сам вменил себе в обязанность сбор и анализ информации по стране и занимался полезным делом.

Так как же погиб С. Ф. Ахромеев? Не исключаю мощного зомбирования, которое довело до полной утраты осознания своих действий, не исключаю и присутствия при этом постороннего лица...

В похожем состоянии, на мой взгляд, была и семья Пуго. Когда к ним пришли, его жена после смертельных в нее выстрелов из пистолета умирала. А Борис Карлович был уже бездыханный. Его же пистолет, из которого якобы он застрелил жену, а затем покончил с собой, лежал на прикроватной тумбочке (т. е. застрелил жену, затем себя, лежа в кровати, и... положил пистолет на тумбочку?!).

Первым у кровати Пуго почему-то оказался Григорий Алексеевич Явлинский с командой. То, что он «демократ», да еще и западник, – это всем известно, но какое отношение он имел к такого рода событиям – совершенно непонятно...

* * *

В первые сутки пребывания в госпитале меня осмотрели врачи (естественно, в присутствии охраны), и я готов был уже приступить к лечению, как вдруг 14 декабря 1992 года во второй половине дня старший охраны объявляет, что скоро ко мне придет «начальство». На мой вопрос: «Что случилось?» – охранник сказал, что сам ничего не знает. Конечно, я был встревожен и начал строить различные версии.

Действительно, вскоре ко мне в палату заходят сразу человек шесть или семь во главе с заместителем Генерального прокурора генералом Фроловым и полковником Панчуком. Хотят вернуть в «Матросскую тишину»? Но глядя на их светлые, торжественные лица (а Панчук – тот вообще широко улыбался), я сразу отверг это предположение. И даже немного подрастерялся – что случилось?

Небольшая комнатка была забита народом. Фролов и Панчук поздоровались со мной за руку, затем первый немного выдвинулся вперед и сказал: «Валентин Иванович, по поручению руководства я обязан объявить следующий документ». И дальше, развернув красную папку, стал читать постановление Генерального прокурора РСФСР об изменении мне меры пресечения – тюрьма заменялась освобождением из-под стражи и подпиской о невыезде. Когда генерал читал документ, размеренно, торжественно и громко, я почему-то вспомнил торжественный момент в Кремле, когда А. Громыко зачитывал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Генерал Фролов закончил читать левитановским голосом этот исторический документ и торжественно вручил его мне. Затем тепло, сердечно поздравил с этим событием и сказал: «Будем надеяться на лучшее». Вслед за ним меня поздравили и остальные. Я был несказанно рад. И не только за себя, но и за всех присутствующих, которые искренне выражали восторг и удивление таким решением.

Затем появились журналисты Николай Мишин и Борис Куркин. Я был благодарен им за поддержку и помощь в издании брошюры «Судьба и совесть». Центральное место в ней занимало не только все, что случилось со мной и мои переживания в связи с тем, что произошло и что может ожидать наш народ, но и некоторые документы, которые уже можно было публиковать. В частности, одна из шифротелеграмм, которую я направил из Киева в Москву в адрес ГКЧП. Между прочим, почему-то некоторые члены ГКЧП в последующем говорили, что они якобы не видели этой телеграммы. Но такого не бывает. Шифротелеграмма докладывается соответствующему начальнику, как правило, немедленно.

Несколько слов о брошюре «Судьба и совесть». Я искренне благодарен Борису Александровичу Куркину за быструю и удачную компоновку текста, который я наговорил во время наших с ним встреч в госпитале. Брошюра в 90 страниц фактически излагала суть происшедших событий, хотя и доминировали эмоции. Вот один из фрагментов:

«...Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны.

В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям (пользуясь их методом – до суда!) следующее.

Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность, как растлевают российских девушек – будущих матерей, как их продают в рабство за звонкую монету? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?

Судите меня – я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я только буду гордиться этим!

Осудите меня и за то, что я не предал слезы вдов, оплакивающих воинов – мужей, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Вам, поправшим мораль и человеческое достоинство, подвиги наших предков и отцов, будет на сей раз легко избрать мне любую меру наказания.

Судите меня! Не жалейте! Ибо вас будут судить принародно, начиная с Горбачева.

Судите, что чудом остался в живых и под Сталинградом, и на Зееловских высотах, и при штурме Берлина, и за то, что прошел на Параде Победы через Красную площадь!

Покарайте меня и за то, что четыре с лишним года старался максимально сохранить жизнь солдатам и офицерам, выводил к матерям, женам и невестам сыновей-воинов из Афганистана!

Что ж, судите!

А мало будет – припомните мне и Чернобыль! Вас, мои обвинители, я там не видел.

Во всех случаях свой крест я буду нести с достоинством. Чиста моя совесть перед Россией и народом».

Тепло и искренне благодарю Николая Лукьяновича Мишина, который в короткие сроки издал большим тиражом брошюру «Судьба и совесть», что позволило широко распространить ее по стране. Но особо трогательно то, что даже через несколько лет можно было где-то далеко от Москвы встретить человека, который после моей встречи с избирателями или ветеранами

подходил и просил меня оставить автограф на брошюре «Судьба и совесть». Листы ее уже пожелтели, и чувствуется, что она читана-перечитана. Следовательно, правду слышали многие. Такой вот случай, к примеру, был в ноябре 1999 года во Владикавказе – подошел ко мне не просто гражданин, а еще и однопольчанин. Говорит, что брошюру прочитал весь район. Я сердечно поблагодарил его, пожелал всяческих благ и призвал на выборах в Госдуму проголосовать за достойных кандидатов.

* * *

В госпитале у меня побывали молодые политики Виктор Анпилов – руководитель «Трудовой Москвы» (а затем – «Трудовой России») и Виктор Тюлькин – первый секретарь Российской Коммунистической рабочей партии.

Я поблагодарил их за визит, а В. Анпилова и за то, что представители «Трудовой Москвы» с первых дней нашего ареста и на протяжении фактически всего пребывания в тюрьме постоянно находились у стен «Матросской тишины», требуя освобождения политзаключенных. Но это был не только визит вежливости. В течение многих часов (они приходили несколько раз) мы откровенно говорили обо всем, что произошло и что в этих условиях должны делать истинные патриоты, чтобы спасти Россию. Надо отметить, что по целому ряду позиций наши взгляды совпадали, особенно в оценке обстановки.

Нас удивляла и возмущала пассивность КПСС и народа в целом. А из КПСС мы особо выделяли профессионалов партийцев, тех, кто составлял аппарат ЦК, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы. Почему они не возмутились и не выступили в августе 1991 года против неконституционных действий псевдодемократов, начиная от собрания у здания Верховного Совета РСФСР (так сказать, «Белого дома») и до погромов всех партийных органов и союзных структур, а также открытого и наглого расхищения имущества и финансов партии?! Никакого протеста. Просто удивительно.

Видно, многие десятилетия нормальной, благополучной жизни стали порождать (особенно после Сталина) благодушие, самоуспокоенность, самоуверенность. Люди забыли о бдительности, а у определенной части руководства появились зазнайство, чванство, высокомерие. Они фактически оторвались от народа, а по большому счету, они и не знали свой народ. На высокие посты в партии попадали порой случайно, по протекции или указанию сверху.

Тем не менее авторитет ее оставался еще высоким, потому что многие годы страна не переживала кризисных ситуаций, не было безработицы, жизнь год от года улучшалась.

Наши добросовестные коммунисты, не имея опыта работы в условиях капитализма, не могли провести водораздела между истинным социализмом и нарождающимися капиталистическими тенденциями.

Лидеры оппортунизма Горбачев и Яковлев умело сталкивали различные течения в партии и одновременно КПСС сталкивали с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Вполне понятно, что преступная перестройка, опираясь на махровый оппортунизм, фактически достигла своей цели по развалу страны. Ельцин же только перехватил этого тройского коня – перестройку и продолжал путь развала, назвав его реформами.

Беловежские соглашения в конце 1991 года, шоковая терапия и обвал цен в начале 1992 года в определенной степени отрезвили народ от иллюзий и заставили его переоценить все нововведения. Однако радикальных мер по приостановлению падения страны никто не принял. Конечно, в условиях крайне ограниченных возможностей оппозиции довести до народа истинно коммунистические взгляды крайне сложно. Еще сложнее поднять народ на какие-то радикальные шаги.

С этим все мы тоже согласились. Но в том, что дальше делать и как достичь цели (а цель одна – вернуть власть трудящимся), у нас пошла разногласия. Мои собеседники считали, что

делать это надо без союзов и без различных попутчиков. Я же приглашал их к диалектическому подходу, то есть исходить из реальных условий. А сама жизнь свидетельствовала о том, что в стране уже появился значительный пласт мелких и средних дельцов, которые занимают в обществе свое место и представляют определенную силу (ведь уже за окном 1993 год!). Я считал, что их интересы надо учитывать. При этом я опирался на пример с Брестским миром – он был для нас и позорным, и унижительным, и тяжелым, но в то время нельзя было не идти на его заключение, так как на карту ставилась судьба молодой республики.

Призывая своих молодых коллег к творческому подходу, я, к сожалению, не смог их убедить ни в первый, ни во второй раз, когда они приходили ко мне с визитом. Они не говорили открыто, но деликатно дали понять, что мой подход – это никакая не диалектика, не творческое мышление, а обычный оппортунизм, который опаснее открытого капитализма.

На этом мы с В. Анпиловым и В. Тюлькиным расстались. Позже было еще много встреч, но в основном на ходу: «Здравствуйте! До свидания!» – о чем я очень сожалел. Хотя с В. Анпиловым еще были возможности контактировать.

В те месяцы быстро, словно грибы после теплого летнего дождя, росли различные партии и партийки, в том числе и в коммунистическом движении. Одно дело – Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), которая насчитывает около полумиллиона членов партии, или Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), имеющая огромное число своих сторонников именно в рабочем классе. Но есть, к сожалению, и карлики, состоящие из лидера и нескольких десятков человек. Выглядят они жалко. Обидно за саму коммунистическую идеологию. Ее носители должны быть едины и по духу и организационно.

* * *

Размышляя на эту тему в госпитале, уже без стражи, я думал и о своих товарищах по «Матросской тишине». К середине декабря еще далеко не всем изменили меру пресечения, некоторые еще продолжали пребывать в тюрьме. На мои вопросы: «В чем дело? Почему не выпускают?» – мои друзья, которые приходили ко мне в госпиталь или звонили, отвечали однозначно: «В ближайшее время должны освободить всех». И хоть основная масса уже была на свободе, но кое-кого продержали в тюрьме до января – февраля 1993 года – до выхода постановления Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 1993 года, в котором говорилось о назначении судебного следствия.

Первое судебное разбирательство было назначено на 14 апреля 1993 года. Здесь же было сказано об изменении меры пресечения для всех, кто проходил по делу ГКЧП и все еще находился под стражей.

Теперь несколько слов об узниках, привлеченных к ответственности по делу о ГКЧП.

Геннадий Иванович Янаев входил в ту когорту наиболее активных общественных деятелей, которая составляла опору нашего государства (в том числе профсоюзы). Очевидно, по этим признакам, а также по определенным личным качествам Горбачев предложил его кандидатуру на пост вице-президента страны. Но Горбачев просчитался. Геннадий Иванович по своему складу не мог слепо проводить антинародную политику главы государства. Он однозначно перешел на сторону тех, кто выступил против линии Горбачева. Но его трагедия состояла в том, что, взяв на себя (по настоянию членов ГКЧП) тяжелую ношу – исполнение обязанностей президента страны, – Янаев фактически не имел постоянной сильной поддержки со стороны членов ГКЧП и не смог твердо управлять страной. Да, все они были едины, однозначно определили свой курс, что выражено в документах ГКЧП, но в организаторской работе должным образом себя не проявили. Обязав Янаева исполнять обязанности президента, многие считали, что этого вполне достаточно, все остальное само собой приложится. Так могло быть в нормальном государстве, но не в таком расшатанном, каким оно было, и тем более в то время.

Анатолий Иванович Лукьянов хоть и не был членом ГКЧП, но по распоряжению Горбачева проходил по этому делу. Генсек считал Лукьянова «своим кадром», он должен был работать на него, Горбачева. А тот вдруг поддержал ГКЧП. Форосский «узник» этого никак не ожидал.

Действительно, с приходом к власти Горбачев назначил Анатолия Ивановича заведующим Общим отделом ЦК (это высокая должность) и далее продвигал его по всем ступеням, вплоть до Председателя Президиума Верховного Совета СССР включительно. Естественно, работая в команде Горбачева, Лукьянов всячески помогал последнему. Имея высокую профессиональную подготовку и знания как доктор юридических наук, а также исключительные способности работать в высших сферах власти, Анатолий Иванович зарекомендовал себя в глазах общественности как достойный государственный деятель. Конечно, на всех постах, которые А. И. Лукьянов занимал во второй половине 80-х и в начале 90-х, он всячески способствовал Горбачеву. Но то же делало и подавляющее большинство партийного и государственного аппарата, не подозревая того, что Горбачев предатель. Поэтому и к Анатолию Ивановичу в этом отношении надо подходить, как и к остальным. Правда, уже в 1987-м и особенно в 1988-м и 1989 годах в политике Горбачева все больше и больше проявлялся прозападный флюс, чего нельзя было не заметить. Но все это многие относили к его, Горбачева, слабости и неспособности отстаивать наши интересы. После выборов народных депутатов СССР в 1989 году Анатолий Иванович всячески помогал Горбачеву проводить «центристскую» политику, что означало не становиться на сторону депутатской группы «Союз», куда входили истинные коммунисты. По существу же Горбачев и Лукьянов сдерживали наш «Союз» и ставили на его пути преграды, а Г. Попову и его компании по Межрегиональной депутатской группе, где гнездились псевдодемократы, давали зеленый свет. Однако все это я отношу к добросовестным заблуждениям А. И. Лукьянова. А вот назначение им сбора и открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР не на 20 или 21 августа, как просил весь ГКЧП, а на 26 августа – для меня до сих пор остается загадкой. Тем более что Российский Верховный Совет был собран 21 августа, хотя решение об этом было принято всего лишь вечером 19 августа. Анатолий Иванович говорил, что было трудно собрать депутатов в короткие сроки. Почему же с этой задачей справился Верховный Совет РСФСР?

О Валентине Сергеевиче Павлове. Это был эрудированный, интеллигентный, высоко профессионально подготовленный государственный деятель. Как председатель Кабинета Министров СССР из-за слишком короткого пребывания в должности проявить себя всесторонне он, конечно, не успел, но финансист он отменный. Являясь в свое время министром финансов, был высоко почитаем (видно, сказались не только личные природные данные, но и школа министра финансов СССР Гарбузова, который оставил после себя мощные кадры). Доступный, внимательный, но скрытный. Человек-загадка (может, финансисты все такие?). С твердым характером. Себя в обиду не даст.

Проявил свой характер Валентин Сергеевич и находясь в тюрьме, чем доставил много хлопот Генеральной прокуратуре и лично Степанкову и Лисову. Что же касается выполнения своих функций 18, 19, 20 и 21 августа 1991 года, то, как показывают документы, В. Павлов был якобы нездоров, что не позволило ему выполнить свои задачи, в том числе главную – встретиться и переговорить с Ельциным, как это было оговорено 17 августа 1991 года на объекте КГБ с названием «АБЦ». Возможно, и не было бы тех провокаций, с которыми столкнулись мы в эти дни. Но это лишь часть того, что осложнило ситуацию.

* * *

Отдельно следует сказать о Владимире Александровиче Крючкове. Он имел высшее юридическое и дипломатическое образование. Располагал богатым опытом работы и в трудовых

коллективах (начинал с рабочего), и в юридических органах (прокуратуре), и особенно в аппарате ЦК КПСС. Но служба сложилась так, что к 1991 году Владимир Александрович располагал уже почти 25-летним стажем работы в КГБ. За этот период он дослужился до председателя КГБ. Дорогу в эту область государственной деятельности ему открыл Ю. В. Андропов, с которым он в свое время близко работал, в том числе в период венгерских событий 1956 года.

Владимир Александрович был очень деятельный человек. Располагал отличной подготовкой и практикой, а также блестящим аналитическим умом. В обычных – спокойных – условиях жизни государства он успешно осуществлял и в Первом Главном управлении, а затем и в Комитете государственной безопасности все возложенные на него функции. В условиях же грядущего развала государства, конечно, нужен был «железный Феликс» Дзержинский или В. Е. Семичастный. Пожалуй, даже Ю. В. Андропова было бы мало (об этом свидетельствует факт его доклада на Политбюро ЦК в 1977 году о наличии в стране агентов влияния Запада и отсутствие мер по их ликвидации).

Дипломат наивысшего уровня из В. А. Крюкова был бы классный. Но на посту председателя КГБ он просто подставил себя под жернова истории: с одной стороны, он был обязан Горбачеву за пост председателя КГБ, да и субординация обязывала выполнять требования главы государства, а с другой – положение председателя КГБ обязывало его служить народу, выполнять требования Конституции по обеспечению безопасности государства, а не быть в услужении у «царя».

Зная о связях Яковлева (Александра Николаевича) со спецслужбами Запада и располагая неопровержимыми данными о его измене Родине, Владимир Александрович после доклада об этом Горбачеву (а последний наложил вето на проблему с Яковлевым) не предпринял никаких мер, не ослушался своего начальника. А как же интересы государства? А вот так, как мы их видим сегодня. Конечно, не все зависело от Владимира Александровича, но обеспечение государственной безопасности – это, в первую очередь, обязанность председателя КГБ.

Сейчас уже всем ясно, что руководство КГБ, и в первую очередь его председатель, в 1991 году должно было видеть и знать, что Горбачев нас предал. Поэтому идти на какие-то полумеры (уговоры Горбачева и т. п.) было бесполезно. Наоборот, это всегда усугубляет обстановку. Но для решительного шага было необходимо мужество. К сожалению, его как раз и не хватало. Во взаимоотношениях доминировала инерция. А чтобы стабилизировать обстановку в стране, требовалось как минимум снятие Горбачева со всех постов. Законно! То есть на Верховном Совете СССР и на Пленуме ЦК. В обоих случаях докладчиком должен был выступить Председатель КГБ, который обязан был перечислить известные нам преступления Горбачева, и уже этого было бы достаточно не только для снятия его с занимаемых постов, но и для привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые могут сказать, что автор этих строк крепок задним умом. Но ведь автору стало известно (как и всем остальным), что Горбачев предатель, только в результате проведенных следственных действий. А ведь все эти данные до этого уже были в руках КГБ.

Находясь в тюрьме и потом, выйдя на волю, я размышлял о роли в августовских событиях В. А. Крюкова и часто вспоминал его выступление на XXVIII съезде КПСС. Почему с первых своих слов Владимир Александрович защищал уже фактически опорочившую себя перестройку?

«...Перестройка, – сказал он, – явилась неизбежным и единственно возможным выходом из тупиковой ситуации, в которой наша страна оказалась к середине 80-х годов... Несмотря на огромные трудности, которые мы сегодня переживаем, перестройка войдет в историю, как начало очищения и самоочищения, как революция в революции. И какие бы сложности и испытания ни возникали на избранном нами пути, они не должны умалять значение перестроечных процессов».

Так ли все это? Во-первых, никакой тупиковой ситуации у нас в стране не было. Да, темпы роста валового продукта снизились. Но кризиса в стране не было. Это потом уже навесили на этот период ярлык «застоя». Во-вторых, когда перестройка уже опорочила себя по всем параметрам, говорить о том, что она войдет в нашу историю как «начало очищения и самоочищения» – значит закрыть глаза на все тревожные явления и открыто, слепо поддерживать Горбачева. В-третьих, призывать к тому, что, какие бы еще сложности на нашем пути ни возникали, мы не должны сомневаться в перестройке и умалять все ее процессы, – значило бросить вызов народу.

Понятно, что любой министр, а тем более силовые и председатель КГБ должны поддерживать президента. Но ведь есть еще и Конституция, государство, народ, которому все присягали, в том числе и президент, и председатель КГБ.

То, что Крючков с первых слов решительно поддержал Горбачева и его уже прогнившую перестройку, еще и еще раз подтверждает наличие в нашем обществе слепого поклонения вождю, идолу, лидеру, который мог, восседая на троне, независимо от своих возможностей и способностей, глаголить только истину.

Но что интересно, говоря об историческом (надо понимать – положительном) значении перестройки, Владимир Александрович тут же говорит и о ее пороках: о росте сепаратизма, межнациональных столкновениях, о гибели людей («убивают только за то, что они другой национальности»), о сотнях тысяч беженцев и т. д. Но всего этого в так называемом «застойном» периоде не было. Поэтому зал слушал и деликатно молчал. А вот когда В. А. Крючков сказал, что в «истории Советского государства наряду с серьезными ошибками и трагическими страницами было много положительного и славного и тот, кто пытается все изображать черными красками, тот или ничего не видит, или действует далеко не с чистыми помыслами» – когда это было сказано, делегаты наградили Владимира Александровича аплодисментами.

«Разве приемлемы для советского человека после 70 лет Советской власти перспективы массовой безработицы? – спрашивал В. А. Крючков. – Разве для нас приемлемы те масштабы преступности, наркомании, которые поразили самые цивилизованные страны капитала? Разве приемлемо для нас появление десятков и десятков миллионов человек, лишенных возможности иметь медицинское обслуживание, получать образование? А ведь в капиталистическом мире все это есть.

Мы идем к рынку, но не к рынку по Адаму Смиту – стихийному и безбрежному, а к рынку регулируемому, потому что на пороге XXI века было бы губительной ошибкой бросать страну в объятия рыночной стихии».

Верно все говорил Владимир Александрович. Одну только существенную «деталь» не подчеркнул: на рынок надо было смотреть как не на будущее, а уже состоявшееся. И именно по формуле Адама Смита и даже хуже (только начальная стадия). Ведь война законов, невыполнение законов центра – это уже произвол и беспредел не только на индивидуальном или групповом уровне, а на уровне области, края и даже республики. А В. А. Крючков своими речами вроде делал профилактику, повышал бдительность, а самое главное – вдохновлял поход в рынок. То есть защищал то, что сотворили авторы этого хаоса.

Надо отдать должное, тогда он четко обрисовывал ситуацию: «В стране образовалась теневая экономика, растет имущественное расслоение, появляется целый слой миллионеров, их уже десятки и десятки тысяч. На одном полюсе – роскошь, на другом – трудности и лишения. Не стоит ли нам задуматься над тем, к чему все это приведет?»

Смотрите, какие вопросы ставит председатель ведомства, которое содержится народом для того, чтобы оно обеспечивало государственную безопасность! Ведь уже и школьнику видно, что идет реставрация капитализма. За счет чего уже образовались «десятки и десятки тысяч миллионеров»? И если это так, то что делает КГБ? Где этот орган? Почему допустил развитие в стране антиконституционных структур?

А Владимир Александрович философски рассуждал: «Тот уровень размежевания, который сложился на сегодня, поставил перед каждым участником политического процесса главный вопрос: какое общество мы хотим построить? Ведь сама жизнь показывает, к чему все это ведет».

И опять у меня возникал вопрос: неужели комитету Крючкова это не было видно? А если было видно и все реально оценивалось, то где меры, обеспечивающие нашу безопасность?

Сложно все это выглядит.

А дальше?

Явно рассчитывая на эффект, В. А. Крючков далее сказал: «Нередко задают вопрос: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрит куда надо», – чем вызвал смех в зале и аплодисменты.

Но вот через год после этого разговора на съезде не стало Советского Союза. У России не осталось ни союзников, ни друзей, кроме Белоруссии. Уже и сама Россия еле дышит – разграблена и угнетена утратой своей экономической да и политической независимости. Уже нет великой державы, а есть третьестепенное государство с крайне нестабильной обстановкой.

* * *

Так, спрашивается, куда все-таки смотрел КГБ? Не скажет этого сегодня никто. Да и не надо – «поезд ушел»! Все пошло прахом. Проспали. Государственная безопасность не была обеспечена. Почему? А все потому же – слепое преклонение перед постом руководителя государства и отсутствие, так сказать, механизма отстранения его от власти, если требует обстановка, и отсутствие контроля за ним со стороны народа, парламента.

Некоторые политики (типа Яковлева) всячески старались ограничить деятельность КГБ, называли его даже монстром и т. п. Это в какой-то степени, к сожалению, влияло на руководство КГБ, и оно тоже старалось «перестроиться», стать более демократичным, гласным. А на мой взгляд, органам КГБ в этот период нельзя было играть в эти игры. Комитет у нас был прекрасный, и ничего не надо было перестраивать. Следовало лишь обострить чувство бдительности и повысить требовательность к нарушителям закона и безопасности. Вот это было бы отлично.

А Владимир Александрович хвалился на съезде:

«Упразднено управление комитета, занимающееся борьбой с идеологическими диверсиями. При участии органов КГБ отменена норма закона об уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду».

Спрашивается, кому это было нужно, нашему народу? Нет! Это нужно было врагам Советского Союза – внутренним и внешним. Как можно упразднить указанное управление и убирать из законов ответственность за антисоветскую пропаганду в условиях, когда спецслужбы Запада пошли уже открыто походом против Советской власти и социализма? Ведь образованные в ряде республик так называемые «Народные фронты» не только финансировались и материально обеспечивались Западом (оргтехникой, печатной техникой, теле- и видеокамерами, кинопередвижками, радио и т. д.), но даже имели своих посланцев в этих «фронтах». Особенно преуспевало ЦРУ Соединенных Штатов: у главы Литвы Ландсбергиса в штате(!) правительства было несколько американцев на должности советников. И никто этого не скрывал, «советники-разведчики» открыто вели антисоветскую пропаганду, организовывали различные провокации и диверсии.

А что предпринимал в ответ наш КГБ? Пребывая весной 1990 года в Вильнюсе с группой военных, я был крайне возмущен действиями «Саюдиса», лично Ландсбергиса и американских советников при нем. Об этом было доложено руководству в Москву. Какие же последовали меры? Никакие! Полное молчание в ответ.

Так куда же все-таки смотрел КГБ?..

И в заключение своего выступления на съезде В. А. Крючков очень правильно сказал:

«Опыт пяти лет перестройки показывает, что социализм, демократия нуждаются в защите. Экстремисты действуют все более дерзко, широко используя оружие, подстрекают людей к совершению государственных преступлений. Пресечение преступной деятельности подстрекателей, экстремистов мы рассматривали как свою важную задачу.

Комитет государственной безопасности, защищая интересы государства, общества, нуждается в морально-политической поддержке народа. Чекисты находятся на остром участке борьбы и, видимо вы заметили, подвергаются откровенным попыткам шельмования и дискредитации, как, впрочем, и наши Вооруженные Силы... Уж больно кому-то мы мешаем?»

Верно, КГБ мешал. В первую очередь горбачевым, яковлевым и ЦРУ. А вот то, что социализм надо было защитить, В. А. Крючков отметил очень точно. Но, к сожалению, это были всего лишь слова. Никаких действий на этот счет со стороны КГБ мы не видели ни в Прибалтике, ни на Кавказе. Это факт...

Интересно, что В. А. Крючкову, как члену Политбюро, делегаты адресовали ряд вопросов. Например, о возможной деполитизации органов КГБ.

Владимир Александрович пояснил: «Органы государственной безопасности по своему предназначению призваны действовать в политической сфере. Они защищают главное, что есть в политике, – государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй, политическую власть Советского государства. Выхлостить из их деятельности политическую суть – значит превратить чекистов в ремесленников, не имеющих политических принципов и ориентиров... Тезис о деполитизации органов КГБ на нынешнем этапе отражает политику одних и заблуждение других».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.